

³² Северный Кавказ в составе Российской империи // Отв. ред. В.О. Бобровников, И.Л. Балин. М., 2007. С. 121.

³³ Там же. С. 122.

³⁴ Бушуев С. Государственная система имамата Шамиля // Историк-марксист. 1937. № 5–6. С. 92–94.

³⁵ Яндаров А.Д. Указ. соч. С. 99.

³⁶ Руновский А. Кодекс Шамиля // Военный сборник. Т. 23. 1862. С. 327–386.

© 2010 г. В. Ф. СОЛДАТЕНКО *

УПУЩЕННЫЙ ШАНС ДОСТИЖЕНИЯ МИРНОГО СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ УНР И РСФСР В НАЧАЛЕ 1919 года

Взаимоотношения России и Украины на протяжении веков складывались по-разному. Возникавшие время от времени противоречия порой достигали очень высокой степени остроты, перерастали в масштабное военное противостояние и противоборство. В то же время в обоих субъектах находились силы, стремившиеся разрешить взрывоопасные конфликты мирными, в том числе дипломатическими средствами. Они не всегда приносили желаемый эффект, хотя могут служить убедительной иллюстрацией латентных общественных настроений, глубинных тенденций, детерминировавших политические движения на «встречных курсах». Одним из таких довольно интересных и весьма поучительных примеров может служить исторический эпизод, относящийся к началу 1919 г.

Результатом Брестского мира, как известно, стало признание РСФСР государственной независимости Украинской Народной Республики (УНР). Руководство последней обратилось к Центральным державам за военной помощью в борьбе против побеждавшей социалистической революции, что обернулось австро-германской оккупацией Украины, государственным переворотом, установлением авторитарно-монархического режима. Однако навязанная нации государственная модель была отторгнута большинством украинского населения. Восстановленная в ходе антигетманского восстания УНР столкнулась с огромными трудностями. Ее будущее в решающей мере зависело от выбора Директорией, как высшим государственным органом, общественно-политической стратегии и соответствующих ориентаций, планов и тактики действий. Однако предложить широким слоям населения привлекательную мобилизующую программу преобразований лидеры Украинской революции не смогли. Общественная инициатива все более переходила к Временному рабоче-крестьянскому правительству, созданному через неделю после образования Директории – 20 ноября 1918 г. Возрождая с помощью РСФСР советскую власть на Украине, оно распространяло свое влияние, направляло военные действия против Киева, координировало их с восстаниями против Директории, которые, в свою очередь, приобрели немалые масштабы. Теряя поддержку украинских масс, политическое руководство УНР было вынуждено все более полагаться на внешние факторы, старалось любой ценой привлечь их для удержания своей власти. Разновекторность же усилий, достигая антагонистических границ, не могла не повлиять фатально на судьбу этой власти, в конце концов, всей государственной организации.

Глава Директории В. Винниченко и глава Совета Народных Министров В. Чеховский, эволюционировавшие влево и стремившиеся реализовать «трудоустройственный принцип» (для них это было искренним проявлением верности интересам трудового народа, воз-

* Солдатенко Валерий Федорович, член-корреспондент Национальной академии наук Украины.

рождаемой нации, Украинской революции), продолжительное время надеялись на соглашение с большевиками, советской властью. Хотя военные действия приобрели достаточно осязаемые очертания уже на рубеже 1918 и 1919 гг., Директория старалась разрешить кризис власти прежде всего дипломатическими средствами.

31 декабря 1918 г., 2 и 4 января 1919 г. одна за другой в Москву летят радиотелеграммы с требованиями немедленно прекратить силовые акции, вывести российские войска с украинских территорий. Совнарком РСФСР выдержал дипломатическую паузу и впервые ответил на претензии уже тогда, когда Харьков был советским, а восстания против Директории охватывали с каждым часом все более новые районы. 6 января 1919 г. нарком иностранных дел Г. Чичерин направил ноту главе украинского правительства В. Чеховскому: «Ваши радиотелеграммы от 31 декабря и от 2 и 4 января мы получили. Прежде всего мы вынуждены объяснить Вам, что имеющиеся в Вашем распоряжении сведения не соответствуют действительности. Перечисленные Вами военные части Советской России на Украину не движутся и даже не стоят около ее границ. Никакого войска Российской Социалистической Советской Республики в Украине нет. Военные акции в Украине в этот момент ведутся между войсками Директории и войсками Украинского Советского Правительства, которое является *целиком независимым*. Между Украиной и Советской Россией теперь нет никаких вооруженных столкновений»¹.

Российский дипломат отклонил обвинения в прямой причастности РСФСР к военным действиям на Украине и умело перевел сущность разговора в плоскость социального конфликта, который возник в регионе вследствие антинародных действий руководства УНР. Перечисляя репрессивные акции властей, прежде всего военной, осуществляемые именем Директории (разгон Харьковского Совета, запрет собраний и митингов как в Харькове, так и в других местах; разгоны съездов крестьянских советов Харьковщины; арест харьковских забастовщиков, в частности комитета железнодорожников; приказ атамана Харьковской губ. под угрозой расстрела выдать за 24 часа руководителей забастовки; его же телеграмма командованию флота Антанты с заявлением, что Директория поставила перед собой цель борьбы против большевиков; изданные в Киеве приказы Директории относительно запрета всякой агитации, идущей вразрез с ее политикой и т.п.), Чичерин квалифицировал их как основную причину выступлений трудящихся масс Украины против национальной власти и делал ударение на естественном стремлении народа к восстановлению власти Советов: «Выдвинутое в Ваших телеграммах пожелание найти мирное решение может относиться только к конфликту между Директорией и *трудовыми массами Украины*, стремящимися введения советского строя. Это есть та самая борьба трудового народа за свое полное освобождение, ведущаяся в Литве, Эстонии, Польше и Беларуси против классов эксплуататоров и угнетателей, как собственных, так и чужеземных и против всех их прислужников. Движение украинских рабочих и крестьянских масс, которое имеет целью установление Советов на украинской территории, без сомнения и в дальнейшем будет выливаться в форму вооруженной борьбы, пока Директория будет использовать относительно Советов современную тактику насильственного подавления»².

Не оставляя сомнений в симпатиях приверженцам советской власти, Чичерин вместе с тем выдвигал Директории обвинения за обращения к Антанте с просьбой о помощи в борьбе с Советской Россией, которая, по его словам, старается уничтожить национальную и государственную самостоятельность Украины. Концовка же телеграммы больше напоминала ультимативные условия, при которых можно было рассчитывать на подход к дипломатическому разрешению разногласий: «Мы ждем, – заявлял российский нарком, – чтобы наперед убедиться, что *Директория прекратила борьбу против трудящихся масс Украины* и решила охранять ее волю против угрожающего ей наступления англо-французского и американского империализма. При этих условиях мы с готовностью примем в Москве Вашего представителя»³.

Содержание и тон русской ноты вызвали негодование у руководителей УНР. 9 января 1919 г. в Москву был направлен ответ, который подписали все члены Директории

и глава правительства Чеховский (правда, в документе он обозначен лишь как министр иностранных дел). В украинской ноте прежде всего опровергались утверждения российской стороны о невмешательстве во внутренние дела Украины и отсутствии на территории последней вооруженных сил РСФСР. «Утверждения комиссара иностранных дел, будто бы на территорию Украины российские войска не вступают, по проверенным сведениям, являются или умышленным извращением правды, или же полнейшей неосведомленностью, – заявляли лидеры УНР. – В районе Харькова действуют регулярные войска российской армии. Состоят они преимущественно из китайцев, латышей, мадьяр и отчасти русских. Отсюда и второе утверждение комиссара дел заграничных, якобы это войско состоит из украинцев, явно не соответствует действительности. Это китайско-латышское войско, проходя по территории Украинской Республики, опустошает села, грабит у крестьян и всего населения все их имущество, складывает на телеги, грузит на захваченные поезда и отправляет в Россию. Представителей Украинской народной власти крестьян, рабочих и интеллигенции латыши и китайцы расстреливают без всякого суда, подвергая перед тем их зверским истязаниям, и продвигаются в границах Украинской Республики, посягая на жизнь и имущество рабочих и крестьян Украины. Учитывая вышесказанное, латышско-китайское войско содержится и формируется на средства Российского Правительства, а с другой стороны, учитывая то, что комиссар дел заграничных Российской Республики, уклоняясь от прямого ответа на поставленный ему Правительством Украины вопрос о целях наступления на Украину, которое ведет российское войско, Директория Украинской Народной Республики в последний раз запрашивает правительство Российской Республики, что должно означать это наступление российского войска и его поведение на территории Украины, как на завоеванной земле»⁴.

Асимметрия утверждений в дипломатических документах – вещь распространенная. В данном случае как российская, так и украинская стороны лишний раз это с блеском демонстрировали. При этом, кроме сугубо дипломатических целей (т.е. сути дела) документы обеих сторон несли очевидную идейно-пропагандистскую нагрузку. Последний компонент нередко превышал границы разумного, что, впрочем, не приближало стороны к разрешению проблем, а переводило отношения в плоскость шумных, но вовсе не конструктивных дискуссий, банальных ссор. Так, чрезмерная апелляция к фактору «наемных латышей и китайцев» (даже к самим словам) вызывала иронию, однако в пылу полемики руководство Украинской революции этого совсем не учитывало. Авторы ноты опровергали очевидные, хорошо известные факты повсеместной борьбы трудящихся за власть советов, и безапелляционно заявляли: «Директория ясно видит цель Правительства Народных Комиссаров: ему необходимо с помощью “большевистских Советов” захватить богатую хлебом, углем и другими продуктами Украину, а также сделать ее своей колонией, которой она была почти три столетия под властью российских империалистов. Потому-то власть в Украине в руках местного, украинского народа, главным образом крестьянства, является препятствием для империалистических целей Российского Советского Правительства и потому это правительство уже заранее не признает Конгресса Трудового Народа Украины, подвергает его насмешкам и считает причиной, оправдывающей наступление на Украину. Директория Украинской Народной Республики доводит до сведения всего трудового народа Украины и всего мира, с какой целью нанятые советские китайцы и латыши идут на Украину, и повторяет, что трудовой украинский народ не позволит насильвать свою волю – нанятым латышам и китайцам он противопоставит свою силу и до последней капли крови будет бороться против насилия за право распоряжаться своей судьбой»⁵.

Подчеркнув несколько раз стремление руководства УНР к мирному сосуществованию с соседями, украинская нота предлагала правительству РСФСР в течение 48 часов ответить на вопросы: «1. Согласно ли правительство Российской Республики прекратить военные операции против Украинской Республики и ее трудового народа? 2. Если согласно, то обязуется ли немедленно вывести свои войска из территории Украины?»⁶. При условии выполнения выдвинутых требований Директория выражала готовность к

вступлению в переговорный процесс и восстановлению товарообмена. Несогласие же советской стороны или отсутствие ответа до 24 час. 11 января 1919 г. расценивались бы как объявление войны РСФСР Украинской Народной Республике. Даже тех исследователей, которые безоговорочно находятся на стороне Директории, смущают явные несовершенства ее дипломатических документов. Впрочем, некоторые из них, в частности М. Стахив, считают, что на содержание и характер («редакцию») нот влияла позиция Винниченко и Чеховского⁷.

Официальная же Москва считала нужным продолжить игру-дискуссию. В направленном в Киев ответе почти словами предыдущего документа доказывалось, что утверждения Директории, в частности о латышах, китайцах, венграх, это сплошные росказни, частично заимствованные из арсенала империалистической, антисоветской пропаганды. Опровергалось и положение украинской стороны о том, что за советскую власть выступает лишь русифицированный пролетариат промышленных центров («пришельцы» – большевистские агенты Москвы, меньшинство народа). Чичерин перечислял многочисленные восстания крестьянства во всех губерниях и убеждал, что ответственность за гражданскую войну на Украине несет Директория с ее антинародной политикой. Отбрасывались как безосновательные попытки руководства УНР представить гражданскую войну войной между Украиной и Советской Россией⁸.

Вместе с тем нота наркома иностранных дел РСФСР заканчивалась предложением: «Исходя из проявленного Директорией желания разрешить все противоречивые вопросы путем официальных и межпартийных переговоров, мы предлагаем Вашим делегатам прибыть в Москву. Несмотря на то, что Вашей последней телеграммой вместо того, чтобы идти навстречу нашему предложению, Вы грозите нам объявлением войны, мы придерживаемся нашего предложения, имеющего целью устранение столкновения между Советской Россией и Украиной. Подходящим местом для переговоров мы считаем Москву, откуда Ваши делегации, пользуясь обычной неприкосновенностью и экстерриториальностью, будут иметь возможность сноситься по прямому проводу с Директорией»⁹.

Поведение Совнаркома РСФСР немало украинских исследователей склонны квалифицировать как крайне неискреннее, как стремление затягивать по возможности дольше обмен подобного рода «пустыми» нотами с показной готовностью исчерпать конфликт мирными средствами, а на самом деле использовать дипломатические акции для прикрытия продолжения военных действий, складывавшихся однозначно благоприятно в пользу Советской России и ее союзников внутри Украины¹⁰.

Думается, это не совсем так. Взглянем, во-первых, на оперативность, с которой внешнеполитическое ведомство РСФСР реагировало на все обращения руководства УНР. Во-вторых, дипломатическую риторику пронизывало стремление добиться от Директории легитимизации КП(б)У и вхождения ее в правительственную коалицию. Это был бы наиболее безболезненный, «менее затратный» шаг к восстановлению на Украине власти Советов. Помимо всего прочего, это бы разрешило использовать ограниченные вооруженные силы РСФСР, попадавшей во все более тесное кольцо фронтов, на критических направлениях. В-третьих, советская сторона стремилась любой ценой найти в правительстве УНР если не союзника в борьбе с объявленным походом Антанты против большевистской России, то хотя бы попытаться воспрепятствовать вероятному альянсу между интервентами и Директорией. Что же касается последней, то здесь еще раз следует сделать ударение на определенных моментах, которые, по крайней мере для части высшего государственного органа, имели принципиальное значение. Речь о существенных ориентациях Винниченко – Главы Директории и Чеховского – Главы Рады Народных Министров.

Винниченко, судя по всему (особенно убедительны здесь дневниковые записи), с огромной ответственностью анализировал обострение нового кризиса в украинско-российских отношениях и болезненно искал пути предотвращения катастрофы по образцу годичной давности. А что к тому идет – он осознавал все более остро и наглядно. Присовокуплялся и еще один достаточно важный момент. Под влиянием поражений Цен-

тральной Рады, испытаний нации гетманщиной и тяготения масс к большевистским лозунгам Винниченко в те дни ускорил свою мировоззренческую эволюцию влево. Для него трудовой принцип оставался если и не тождественным, то близким к советскому принципу, во всяком случае не был враждебным ему. К тому же для него переговоры с Россией были не соломинкой, за которую хватается утопающий, а принципиальной линией на единение нарождающейся народной власти (пусть в чем-то в отличающихся конкретных воплощениях) против сил «Старого Мира» – против империализма¹¹. Далее он не просто готов был соглашаться на дипломатические варианты разрешения кризиса, а и сам все более стремился к этому.

Что же касается Чеховского, то здесь, кроме социал-демократической позиции, важное значение, по мнению М. Стахива, играли его религиозные взгляды. «Премьер Чеховский был не только руководящим членом Украинской Социал-демократической рабочей партии (УСДРП), но также одновременно глубоко верующим христианином, пробовавшим проводить христианскую мораль также в межгосударственных делах, – делает замечание историк. – Он очень боялся ответственности за продолжение оборонительной войны Украины против российской советской агрессии. Когда проф. Исаак Мазепа убеждал его, что эта война неизбежна, поскольку Москва имеет явные империалистические цели и ничто ее не остановит перед дальнейшим военным походом против Украины, разве только полная капитуляция на милость и немилость Москвы, Чеховский ответил: “У меня сомнения, как христианина: имею ли я право посылать на фронт наших казаков на смерть, когда совсем неясно мне самому, какие последствия принесет эта война Украине. Я сам могу идти на фронт воевать за то, во что я верю. Но других принуждать – это по моему мнению ненормально”. Эти взгляды в данной ситуации, когда российские большевистские армии шли на Украину красной тучей, были не от мира сего. Тем не менее они доказывают, вне всякого сомнения, что этот премьер Правительства УНР *на самом деле* стремился к миру и наверняка не имел ни тени желания воевать *агрессивно* против России, так как в конце концов таких желаний не имел никто: слабая тогда в военном отношении Украина могла разве нападать на милитарно более сильную Россию»¹².

С точки зрения отмеченного, достаточно мотивированной выглядит Чрезвычайная дипломатическая миссия Директории в Москву во главе с С. Мазуренко. Связанные с ней документы сохранились и были опубликованы в специальном издании¹³. Публикацию документов предваряет основательное, взвешенное, профессиональное введение, которое помогает выяснить сущность тогдашнего политического момента, обусловленность, мотивированность многих решений и шагов, причины коллизий, которые временами кажутся труднодостижимыми и т.п.¹⁴

Современные историки Р. Симоненко и А. Реент вслед за авторитетным взглядом хорошо информированных непосредственных участников событий¹⁵ выводят саму идею миссии не из ситуативных, конъюнктурных потребностей, а из принципиальных соображений, которых старалась придерживаться Директория с момента своего создания. Поэтому истоки контактов руководства УНР и РСФСР они усматривают еще в хорошо известных переговорах в Киеве Винниченко с Д. Мануильским и Х. Раковским осенью 1918 г.¹⁶ И это не было случайностью, исключительным эпизодом. Ведь в ходе осуществления миссии в Москву С. Мазуренко ссылался на факты дипломатических контактов между ним и Мануильским, Раковским (хотя подтверждений участия последнего в переговорном процессе нет), которые имели место в ноябре 1918 г. в Гомеле и в декабре того же года в Минске¹⁷. Речь шла о том, что это делалось с ведома руководства обоих государственных образований и привело к соглашению, «зафиксированному в подписанном... акте». Именно этот документ с некоторыми предостережениями был положен в основу позиции Директории на переговорах, а сам акт С. Мазуренко сделал достоянием гласности на заседании мирной конференции¹⁸.

Симоненко и Реент не только обращают внимание на эти важные моменты, но и приводят интересные извлечения из мемуаров М. Рафеса, проливающие дополнительный свет на обстоятельства кристаллизации позиции руководства УНР относительно

осуществления дипломатической акции. Кроме того, они придают упомянутым фактам и свидетельствам особое значение и не обходят довольно примечательного замечания П. Христюка относительно Чеховского: «Главной целью В. Чеховского при вхождении в кабинет было не допустить конфликта между Украиной и Сов[етской] Россией, который уже тогда назревал. Когда конфликт разразился, В. Чеховский прилагал все усилия к ликвидации его и достижения мира между Украиной и Сов. Россией, и вышел из кабинета, когда эти усилия не осуществились»¹⁹. Нужно еще раз подчеркнуть, что Чеховский был не только главой правительства, но и министром иностранных дел.

А кратко переданный последовавший обмен резкими нотами между дипломатическими ведомствами УНР и РСФСР в начале января 1919 г. был не столько формальным поводом для активизации дипломатических контактов, сколько характерным этапом их продолжения, поиска не столько тактического, сколько стратегического решения. Вопреки грозным, ультимативным требованиям, обоюдным включенным в документы, оснований для компромисса оставалось все же достаточно. По крайней мере, последние в конце концов перевесили, когда в столкновение пришли аргументы «за» и «против» переговоров с Москвой.

Официальному решению о формировании чрезвычайной миссии предшествовали подготовительные совещания в правительственной среде. По утверждениям Рафеса, в них сразу проявились значительные разногласия. В частности, правые украинские партии совсем не желали быть причастными к инициативе левых сил. «В среде украинских правительственных сфер происходила борьба, – писал лидер местной организации “Бунда”. – Это были последние дни, когда должна была окончательно определиться ориентация внешней политики Украины, а под ее влиянием и внутренней. Глава Совета Министров Чеховский разрывался между Директорией, которая с каждым днем клонилась все больше вправо, и Коновальцем, с одной стороны, и левым большинством ЦК УСДРП – со второй. За кулисами шли переговоры с Антантой, левому Юрию Мазуренко поручено было организовать делегацию в Москву, в Советскую Россию для ликвидации всех трений. Переговоры эти должны были быть продолжением еще прежде начатых переговоров в Гомеле между Семеном Мазуренко, с одной стороны, и Раковским и Мануильским – с другой. Директория, не учитывая изменений, которые произошли на протяжении двух месяцев, надеялась, что ей удастся спекулировать на расхождениях между “оппортунистической” Москвой и “безоглядной” группой Пятакова. Чичерин приветствовал инициативу мирных переговоров, что усилило внутри правительственных кругов влияние левых»²⁰.

3 января 1919 г. Рафес получил от Ю. Мазуренко предложение принять участие в «чрезвычайной дипломатической миссии, которая должна немедленно выехать в Москву». В тот же день Бюро Главного комитета «Бунда» практически уклонилось от участия в правительственной делегации, предложив УСДРП «взять на себя инициативу организации социалистической делегации к социалистическим партиям РСФСР»²¹. Выжидательную позицию заняла и УПСР. На встрече с Чеховским 4 января М. Полоз заявил, что эсеры готовы принять участие в поездке в Москву лишь с информационной целью. Не проявила решительности и Объединенная еврейская социалистическая партия, представленная на этой встрече Брегманом²².

Кроме прочего, определенное недоверие и настороженность политиков вызвали расчеты Чеховского на осуществление в ходе планируемого визита линии украинского «нейтралитета». Учитывая международное положение УНР, окруженной со всех сторон фронтами могущественных сил с непримиримо-враждебными интересами и намерениями, это представлялось просто нереальным. «Надо было солидаризироваться с одним или с другим фронтом: с собственными трудящимися массами и Советской Россией, или с украинской буржуазией и мировым антантским империализмом», – резюмировал по этому поводу П. Христюк²³.

При таких обстоятельствах Чеховский предложил послать в Москву фактически две делегации – правительственную (официальную) и общественную (представители украинских социалистических партий). Относительно официальной позиции прави-

тельства (Рафес замечал, что это была больше личная точка зрения Чеховского) глава Совета Народных Министров наставлял потенциальных посланцев в Советскую Россию: «Скажите в Москве, что мы, социалисты, стоим за власть трудового народа, что всю политику определит наш Трудовой Конгресс. Он же сформирует и новое Министерство. Мы ничего не имеем против группы Пятакова как социально-общественной группы и даже желали бы иметь их представителей в составе нашего правительства, потому что они имеют влияние на часть рабочих. Мы обещаем полную свободу всем партиям, в том числе и большевикам, но вооруженную борьбу будем подавлять вооруженной силой. Мы стоим за полнейший нейтралитет в международных отношениях. Обязательства воевать с Антантой мы на себя не берем, но не допускаем их десанта. Если же они будут стараться навязать нам свои буржуазные порядки, мы будем против них бороться. Наша борьба с Антантой остается преимущественно дипломатической. С Доном боремся силой оружия, но лишь в наших границах, в пределы Дона не идем. Мы должны считаться с реальной силой. Краснова признавать не будем. От Москвы требуем взаимного признания суверенитета»²⁴.

По поводу приведенного можно высказать разве что сомнения относительно утверждения об инструкциях как плоде субъективного творчества Чеховского. В частности, Винниченко утверждает: Директория дала главе миссии в Москве «указания отстаивать три главнейших пункта: нейтралитет Украины, оборона против контрреволюции и наступления Антанты и система советской власти в форме трудовых советов»²⁵. Как видно, в изложении Рафеса, позиция главы Совета Народных Министров лишь детализировала засвидетельствованное Винниченко «указание Директории».

Сущностью корреспондирует с приведенным и информация Христюка: «Миссия должна была заявить, что Директория соглашается на советскую форму власти на Украине, с обеспечением в советах правильного представительства украинского крестьянства (т.е. на систему трудовых советов), что Директория пойдет на заключение экономического договора и военного союза с Советской Россией в целях борьбы с российским добровольчеством и обороны обеих республик от наступления антантского войска; взамен должно быть прекращено наступление российского войска на Украину и признана независимость Украинской Республики с той верховной властью, которую установит Трудовой Конгресс»²⁶.

Определенные разночтения в приведенных извлечениях-информациях не должны вызвать сомнений: официального документа не существует, а процесс выработки согласованной позиции каждый автор запомнил по-своему. Впрочем, принципиальных расхождений в вышеизложенном и нет. Сколько-нибудь существенные отличия в подходах к намеченному мероприятию уже на той стадии были скорректированы посредством изменений в персональном составе участников миссии. Так, сначала планировалось, что возглавит делегацию влиятельный член ЦК УСДРП, близкий к Винниченко (он был хорошо осведомлен о контактах последнего с Мануильским и Раковским осенью 1918 г.) Ю. Мазуренко.

Однако, придерживаясь сравнительно более радикальной, чем Чеховский, платформы, Мазуренко выдвинул собственное видение (по сути – условия) выполнения поручения: «1) Отмена состояния осады. Легальное существование всех социалистических партий при условии ведения парламентских форм борьбы. Прекращение расстрелов коммунистов и украинских социалистов-революционеров. 2) Передача на местах власти Советам трудового народа под контролем комиссаров центральной власти. 3) Вместо Трудового Конгресса съезд Советов трудовых депутатов. 4) Борьба с белогвардейцами. 5) Разоружение воинских частей, придерживающихся контрреволюционных ориентаций. 6) Открытая политика относительно Антанты. 7) Никаких разговоров с Красновым, кроме ультиматумов. 8) Чистка органов местной власти. До создания советов на местах создаются ревкомы»²⁷.

Рафес считал выдвинутую Ю. Мазуренко программу неприемлемой, утверждая, что «при этих условиях межпартийная социалистическая делегация имела лишь один смысл: звать Советскую Россию для вооруженной поддержки в деле свержения Ди-

ректории». Соответственно «Бунд» отказался от участия в поездке в Москву²⁸. Не вникая в мотивацию поведения лидеров «Бунда», которая, как известно, далеко не всегда совпадала с усилиями лидеров Украинской революции (что, в общем, естественно), следует обратить внимание на отсутствие единства взглядов на цель дипломатической акции даже в среде, казалось бы, идейно близких деятелей. Последнее также вполне понятно для стадии обсуждения проекта, однако логически должно было сказаться на подборе соответствующих исполнителей. Юрию Мазуренко – одному из проводников «независимых» в УСДРП – не было доверено возглавить делегацию в Москву. На эту роль был призван Семен Мазуренко, хотя также принадлежавший к фракции «независимых», однако придерживавшийся более умеренных взглядов, чем родной брат. Санкция правительства на делегирование в Советскую Россию чрезвычайной дипломатической миссии и выделение на ее содержание 120 тыс. карбованцев была принята 4 января 1919 г.²⁹ 7 января С. Мазуренко был выдан соответствующий документ – «Удостоверение» за подписью Главы Совета Народных Министров, министра иностранных дел Чеховского. 11 января этот документ был утвержден Директорией и подписан Винниченко, С. Петлюрой и П. Чикаленко («за секретаря»)³⁰.

Обращает на себя внимание то, что с отправкой миссии не весьма спешили, хотя предоставленные ее руководителю полномочия были достаточно широкими и к тому моменту (со стремительным развитием событий) такими, реализация которых требовала предельной оперативности: «Правительство Украинской Народной Республики сим уполномочивает господина Мазуренко Семена Петровича войти в переговоры с Уполномоченными Представителями Правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики по всем делам, затрагивающим постоянные мирные добрососедские сношения между Украинской Народной Республикой и Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой, для чего предоставляется господину Мазуренко право везде, где надо будет, выступать от лица правительства Украинской Народной Республики, как полноправному этому правительству представителю, составлять и подписывать прелиминарные условия, которые передавать на утверждение своего правительства, делать устные и письменные различного содержания заявления, предложения, принимать участие в различных заседаниях и совещаниях. Всему, что господином Мазуренко сделано будет в пределах этих полномочий, Правительство Украинской Народной Республики поверит и возражать не будет»³¹. Чичерин выдал С. Мазуренко как «главе чрезвычайной Дипломатической Миссии Украинской Директории» удостоверение, которым гарантировался полный дипломатический иммунитет и льготы, предусмотренные для лиц соответствующего ранга³².

Пока «утращались» формальности, истекало драгоценное время. Было бы, очевидно, несправедливым считать, что Директория этого не понимала, хотя, с другой стороны, желательно разобраться и в том, почему она не форсировала переговорных усилий, по сути медлила с активными действиями. Здесь можно допустить, что, во-первых, делались попытки «выжать» максимум возможного из январского интенсивного обмена нотами – по возможности заставить российскую сторону в чем-то, хотя бы в моральном плане признать неправомерность своей позиции вмешательства во внутренние дела Украины, выговорить уступки и таким способом получить усиление своей исходной базы на переговорах. Во-вторых, явно зондировалась позиция правительств Антанты, олицетворенная командованием интервенционного корпуса, в отношении к развитию российско-украинского конфликта. Рафес, в частности, считал, что упомянутые демарши имели «характер приглашения Антанты прислать военную помощь против большевиков»³³.

Однако все названное могли перевесить внутренние разногласия в Директории, украинском руководстве по вопросам выбора внешнеполитических ориентаций. При всей весомости должностей, которые занимали Винниченко и Чеховский, нельзя сказать, что они имели решающее преимущество при выработке и осуществлении государственного курса. И дело здесь не только в том, что правительство практически было лишено рычагов для влияния на международные дела (кое-кто считает, что Винничен-

ко предусмотрительно сосредоточил эти функции в своих руках). В условиях Гражданской войны влияние военных («человека с ружьем») на все сферы общественной жизни гигантски возросло. Вот здесь и дала себя знать позиция Петлюры и его военного окружения (атаманов). «Обратной стороной» благосклонности к Антанте была враждебность относительно РСФСР. «Увидев, что большинство Директории и глава Совета Министров решительно склоняются к миру с большевиками и даже с этой целью послали специальную миссию, болбочановцы (П. Болбочан – один из атаманов. – В.С.) и петлюровцы начинают прибегать ко всяким мероприятиям, чтобы этот мир сорвать», – отмечал Винниченко³⁴.

Глава Директории считал, что для достижения своих целей атаманы были готовы на все, а сам П. Болбочан, кроме многочисленных дезинформаций о масштабах военных акций со стороны Советской России, прибегнул к предательским действиям, чтобы повлиять на руководство УНР. Именно он направил в Киев нескольких офицеров и социал-демократа С. Тимошенко с требованием немедленного объявления войны России. Петлюра вместе с Тимошенко явились к Директории «и почти с кулаками, с рыданием в голосе, с побелевшими дрожащими губами (Тимошенко) требуют у нее провозглашения войны Российской Советской Республике. Для чего?! Ведь мы фактически воюем с ней. Сражайтесь, воюйте, зачем же объявлять войну, когда мы хотим мириться, когда послана делегация с этой целью?»³⁵.

Аргументация посланцев атаманов была в чем-то искусственной, надуманной: «Без оповещения войны казаки не могут биться. Они не знают, русские большевики враги нам или приятели. Такое молчание Директории ослабляет дух наших войск, охлаждает их пыл и придает смелость и жестокость большевикам. Знает ли Директория, какие страхи там творятся? Знает ли она, что она делает преступление против нашей государственности, не оповещая войны? Мировая делегация? А какая гарантия, что большевики хотят мириться, что это с их стороны не хитрость, чтобы ослабить дух наших войск? Почему они перемирия не предлагают, а только переговоры?»³⁶.

Не следует останавливаться на подобной «дипломатии, шитой черными нитями» (принципиальные моменты старательно замалчиваются при всяческом раздувании второстепенных, производных). Настоящее назначение приведенных пассажей становится понятным, когда, в конце-концов, выдвигается, как будто «между прочим» тезис: «Кроме того (выделено мною. – В.С.): мы не имеем оружия, амуниции. Антанта нам может продать (а может и нет? – В.С.). Но она *хочет иметь гарантию*, что мы не большевики, что мы тем оружием не будем бить ее саму. Ведь провозглашением войны мы покажем, что нам оружие нужно *против русских империалистов*»³⁷.

Следует ли объяснять, что сущность вложенного в слова «кроме того» значительно превосходит вышеприведенное словотворчество? Разве что возникают естественные вопросы о том, откуда известно было о гарантиях, которых требовала Антанта, кому она их адресовала? Ведь в «Возрождении нации» да и позднее Винниченко не раз категорически утверждал, что официальных переговоров Директории с представителями Антанты вплоть до его отставки 10 февраля 1919 г. не было. Были же персональные акции правых элементов, среди них – атамана Болбочана, услужливая телеграмма которого к военному командованию интервенционистским корпусом дала основания СНК предъявить обвинение украинской власти в продажности³⁸.

В подтверждение своей искренности Винниченко приводит даже извлечение из собственного дневника: «30.1.19. Эсеры ужасно озабочены новой “авантюрой” Директории. Первой авантюрой было восстание. Тогда они хватили нас за фалды, кричали “караул” и требовали от Национального Союза, чтобы он запретил нам всякие вооруженные выступления против гетмана. Теперь они голосят, что мы совершаем выступление против буржуазии. Эти кабинетно-газетные люди любят считать себя мудрыми, рассудительными политиками. Вчера они (лидер партии эсеров Мациевич) предлагали мне вступить в союз с Антантой, вследствие чего допустить по Украине “небольшие” антантские гарнизоны и выплатить помещикам за землю. Мои нервы до того истрепа-

ны человеческой мерзостью, что я уже не мог с этими спасителями Украины говорить спокойно и едва не выгнал их из кабинета»³⁹.

На самом же деле, когда Директория находилась в Виннице еще в первый раз (в начале декабря 1918 г.), то от лица Петлюры Болбочан вступил в контакт с французами. Конечно, для налаживания отношений важным условием было недопущение примирения с Советской Россией⁴⁰. Переговоры эмиссаров Директории с представителями Антанты И. Мазепа назвал «одесской авантюрой» и возлагал ответственность за них не только на французского консула Э. Энно, который к тому же не имел официальных полномочий, но и на Петлюру, который об этом знал, однако старался добиться своего любой ценой, даже закрывая глаза на неподобающее поведение партнеров⁴¹.

Возвращаясь же к осуществленному атаманами давлению на Директорию, нужно обратить внимание на то, что «дипломатическими аргументами» дело не ограничилось. Петлюра и С. Тищенко обратились к неприкрытому шантажу, заявив: «Если Директория не объявит войны (РСФСР. – В.С.), то представители харьковского фронта заявляют, что слагают с себя всякую ответственность за фронт и не ручаются, что через две–три недели под Киевом не будут китайские войска»⁴².

Упомянутой перспективе атаманы все равно не помешали бы (что и подтвердят ближайшие события). Однако приведенная угроза очень характерна для понимания внутренних отношений в Директории, где Винниченко, как не раз случалось в его судьбе, оказался в полной изоляции. И «не имея не то что фактической власти, – подчеркивает он, – но даже точных сведений о состоянии дел, то есть не имея возможности взять на себя одного всю ответственность за отклонение так страстно и настоятельно поставленного главным атаманом и военными знатоками домогательства, вынужден согласиться и он на официальное провозглашение фактически ведущейся войны. Все равно провозглашена или не провозглашена, а когда делегация заключит мир, то война будет остановлена»⁴³.

Война РСФСР официально была объявлена 16 января 1919 г. И лишь на следующий день состоялась первая встреча Чрезвычайной дипломатической миссии УНР (С. Мазуренко, М. Полоз, Ю. Ярослав) с русской делегацией. Привлекает внимание солидный состав московских представителей. Кроме наркома иностранных дел Г. Чичерина и его заместителя Л. Карахана в переговорах принял участие и в дальнейшем все время был ключевой фигурой Д. Мануильский, который в 1918 г. стал «специалистом» по украинскому вопросу. В заседаниях постоянное участие принимали представители Высшего совета народного хозяйства В. Менжинский и Л. Красин, а также официальный представитель СНК, комиссариата по делам национальностей, Каменский. Думается, это была не бюрократическая показуха, а попытка подчеркнуть важность встречи, желание оперативно выйти на решение межгосударственных проблем, в частности достижения полноценного договора, который бы охватывал по возможности более широкий спектр отношений – от политических и военных до экономически-хозяйственных. Правда, первоначальное предложение советской стороны рассматривать собрание как совещание представителей руководящих политических партий в правительствах двух республик (РКП(б) и УСДРП) было отклонено С. Мазуренко. Вместе с тем было достигнуто соглашение о том, что переговоры будут иметь правительственный, государственный статус⁴⁴.

В основу переговоров миссия УНР выдвинула следующие положения: признание полного нейтралитета суверенной УНР; полное невмешательство правительства РСФСР во внутренние дела Украины; точное определение отношения Советской России к повстанческим войскам, которые оперируют на Украине; УНР обязуется, что не допустит на своей территории воинских частей и перебрасывания войск, враждебных Советской России, по территории Украины⁴⁵.

В объявленных представителем УПСР М. Полозом пожеланиях на заседании 19 января указанные пункты были несколько конкретизированы и дополнены требованиями о том, что правительство РСФСР обязуется немедленно отозвать с Украины все свои войска; принимает на себя роль мирного посредника между правительством УНР

и Временным рабоче-крестьянским правительством Украины; правительство УНР употребит самые решительные военные меры по очищению территории Украины от банд Краснова и донских казаков и заявляет о намерении сразу же после прекращения гражданской войны наравне с другими социалистическими партиями легализовать КП(б)У, предоставить ей свободу пропаганды своей идеологии в рамках парламентской борьбы. Правительство УНР предлагает правительству РСФСР немедленно восстановить консульские учреждения и наладить товарообмен на условиях, «выработанных мирной конференцией Шелухина–Раковского»⁴⁶.

Более квалифицированно выстроив тактику поведения на переговорах, Мануильский и его коллеги смогли выведать все возможные компромиссы, на которые способна была пойти украинская сторона. Отклонив претензии последней, в частности о вмешательстве во внутренние дела УНР с помощью войск и т.п., они начали методически, временами гибко, временами твердо добиваться принятия своей платформы.

Так, 23 января Мануильский изложил требование немедленного создания наступательного союза между УНР и РСФСР «на Краснова, Антанту и Крымскую реакцию. Что касается внутренней политики, то товарищ Мануильский настаивает, чтобы вопрос о власти на Украине был разрешен Всеукраинским съездом Советов на тех же избирательных основаниях, как и в Советской Российской республике. Только на этих основаниях правительство Советской России готово приступить в качестве посредника в деле примирения сторон, которые борются на Украине»⁴⁷.

Конечно, такая линия вызвала сопротивление со стороны дипломатов УНР. Опровергая в ходе затяжных дебатов аргументацию российской стороны, С. Мазуренко в отчаянии указал представителям РСФСР, «что они, требуя от правительства УНР объявления войны Украиной Антанте, Дону и Крыму, установления диктатуры пролетариата, в то же время со своей стороны положительно ничего не предлагают и не дают УНР, за исключением советов, для получения которых совсем не было необходимости приезжать в Москву Дипломатической Миссии»⁴⁸.

Хотя приведенные слова не принадлежат к шедеврам дипломатического красноречия, украинская позиция здесь заявлена предельно четко и бескомпромиссно. Причины к беспокойству добавляло и то, что российские представители с каждой новой встречей умножали информацию о поражениях Директории и успехах на Украине советской власти. Не имея достоверных сведений о действительном состоянии дел, украинские представители начали подозревать, что официальная Москва сознательно затягивает переговоры. «Мы сидим здесь уже две недели и к никаким определенным выводам до этого времени не пришли, – заявил С. Мазуренко на совещании 27 января. – Нам необходимо установить контакт взаимного доверия и немедленно разрешить важнейшие вопросы, которые не терпят отсрочки. Без этого мы не можем продолжить общую работу и нашим промедлением только усиливаем анархию на Украине»⁴⁹.

И совсем уже отбрасывая любые дипломатические каноны и условности, глава Чрезвычайной миссии УНР высказал уверенность, что продолжение переговоров в предыдущем русле бесперспективно из-за очевидной их бесполезности. «Мы со своей стороны вносили все время вполне определенные предложения, а от Вас я еще никаких предложений не слышал, – с раздражением говорил он. – Те же разговоры, которые мы вели на предыдущих заседаниях, это лишь требовало от нас капитуляции. Давайте раз и навсегда отбросим дипломатию в сторону и скажем друг другу: Чего Вы хотите от нас и на что мы можем рассчитывать от Вас. Ведь для того чтобы говорить о тех предметах, о которых мы вели речь на предыдущих заседаниях, нам вовсе не нужно было ехать сюда. Мы могли все эти вопросы решить там, на месте, с Пятаковым и его друзьями»⁵⁰. Украинцы высказали пожелание перенести место переговоров поближе к межгосударственной границе, в частности в Харьков или Гомель⁵¹, чтобы облегчить получение информации от государственных центров УНР.

Здесь, наверное, уместно высказать соображения относительно причин возникновения негармоничной ситуации на переговорах, хотя обе стороны, кажется, искренне стремились к достижению согласия. Во всяком случае, представители российского пра-

вительства Мануильский, Каменский, Менжинский и Красин старались убедить своих визави в том, что у них нет причин искусственно затягивать процесс договоренностей. И им можно в данном случае доверять. Не раскрывая причин стремления к согласию, они на самом деле исходили из того, что, не имея надлежащих вооруженных сил, Советская Россия стояла перед перспективой огромных, сверхсложных испытаний: на помощь ее врагам приходила мощнейшая к тому времени милитаристская сила в мире – Антанта. Поэтому исключить из кольца фронтов, которое все более сжималось, хотя бы одно звено (Украина уже была им после 16 января 1919 г.), а еще больше – склонить к нейтралитету, и того лучше, к содействию – значило получить немалую и притом бескровную, малозатратную победу.

На что могли ссылаться в публичных переговорах постоянно российские дипломаты, так это на смену ситуации на Украине. Объективное неуклонное падение авторитета, влияния власти Директории вызывало естественный вопрос: насколько реальной является эта сила и как далеко следует заходить в расчетах на взаимодействие с ней? Конечно, в создании противобандитской и противобольшевистской коалиции виделась геополитическая перспектива. Однако свои преимущества могла иметь и ставка на советские, большевистские силы на Украине, которые все более укреплялись, завоевывали все более прочные позиции, брали под контроль новые и новые территории.

Похоже, что московский центр колебался, или еще только определялся в том, который из двух вариантов более приемлем, «выигрышен». А руководство КП(б)У, СНК Украины, сознавая, что контакты с посланцами Директории для В.И. Ленина и его единомышленников это не игра, не имитация деловых отношений, с подозрением и ревностью относились к самой идее, тем более к факту переговоров. Они понимали, что ЦК РКП(б) и СНК РСФСР имели свою стратегию, целью и стержнем которой было сохранение власти Советов и что с этой точки зрения поведение лидеров КП(б)У, для которых интересы украинских трудящихся были главными, не во всем совпадало с общепартийным, общесоветским курсом, «органично вписывалось в него», имея вполне естественные региональные и национальные отличия. Как и в момент создания КП(б)У, организации антигетманских восстаний, создания Временного рабоче-крестьянского правительства, снова сказались разногласия между «центром» и «местами». Большевистский центр вместе с тем желал, с одной стороны, наиболее решительной победы местных коммунистических сил на Украине, а с другой, – остерегался, что их борьба может ускорить конфликт, открытое столкновение с мировыми империалистическими силами, предвидеть результат которого было очень непросто. Во всяком случае, убедительных аргументов в пользу достижения победного варианта было немного.

Возможно, поэтому, не имея уверенности в какой-либо из альтернатив, российская сторона осуществила попытку привлечь к переговорному процессу представителей советского правительства Украины, в частности Г. Пятакова⁵². Последний вместе с Я. Дробнисом прибыл в конце января 1919 г. в Москву, однако проигнорировал приглашение на совещание, поскольку, по словам Мануильского, стоял на «непримиримой позиции»⁵³. Представитель правительства РСФСР надеялся еще убедить их изменить точку зрения. «Но, если они решительно откажутся принять участие в нашей работе, – заметил Мануильский, – то наша партия будет настаивать на их отзыве. Тогда мы вызовем из Харькова Х.Г. Раковского, который туда был послан для усиления сторонников соглашения с Директорией»⁵⁴. Последнее утверждение было скорее всего «дипломатическим преувеличением». Обстоятельства замены Пятакова Раковским в должности главы советского правительства Украины заключались в иных, на момент осуществления упомянутой трансформации далеких по сущности и характеру процессах, нежели те, на которые ссылался ловкий дипломат. Однако здесь важно сознавать, что советская сторона имела возможности для маневра. Варьируя предложения (незыблемыми оставались требования введения на Украине советской власти и создания единого командования для советских и уэнеровских вооруженных сил), Мануильский, Менжинский и Красин учитывали быструю конъюнктуру.

Посланцы же Украины все больше страдали от практической изоляции, в которую попали с приездом в Москву. Им не удавалось согласовать свою позицию с Директорией по прямому проводу или радиотелеграфом. Они не могли сообщить о достигнутых договоренностях, получить инструкции относительно дальнейших шагов допустимых компромиссов. Не помогло даже вмешательство на высоком, наркомовском уровне. Киев не реагировал ни на какие обращения⁵⁵. Глава миссии С. Мазуренко согласился на командирование в Киев курьера, хотя и считал, что таким способом очень трудно предметно решать возникшие на переговорах проблемы. Кто выполнял роль курьера миссии, выяснить не удалось. Он выехал из Гомеля и достиг Дарницы (левый берег Днепра, сегодня район Киева. – В. С.), занятой к тому времени советскими войсками. Однако перебраться на правый берег Днепра ему было не суждено. Паровоз, в котором посланец старался добраться в Киев, несмотря на большой белый флаг парламентаря, усиленно («ураганно») обстреливался артиллерийским огнем⁵⁶. Естественно, и средства связи, и оружие находились под контролем военных, которыми руководил С. Петлюра. «Не являясь даже атаманом, можно понять, что отдельный паровоз и еще под белым флагом не может угрожать фронту и его можно подпустить к себе безо всякого риска и страха за военное дело, – разяснял ситуацию Винниченко. – То есть это значит, его не допускали не из-за этого? А из-за чего? Это знала только атаманская власть»⁵⁷.

Сопоставляя всю историю с домогательствами Петлюры об объявлении войны РСФСР, с атаманскими препятствиями в осуществлении дипломатической миссии в Москву, глава Директории пришел к важным, однако неутешительным выводам. Припомнив, что официальное объявление войны северному соседу было сделано 16 января 1919 г., Винниченко продолжает: «А 1 февраля, то есть как раз через обещанные атаманами две недели, повстанческие украинские войска, поддержанные регулярными российскими войсками, были уже под Киевом. Объявление войны не подняло духа. Атаманам важно было выбить то оповещение войны не по военным мотивам, а по политическим. Оповещая войну, они были более уверены, что к миру не придут, а значит не будет советской, действительно народной власти, которая не потерпит произвола и всех мерзостей атаманов. Таким образом эти две силы, пятаковщина и атаманщина, достигли своего: одна потащила Совет Народных Комиссаров в русский национализм и империализм, а вторая потащила Директорию в контрреволюцию и в жестокие лапы антантского империализма»⁵⁸. Вывод многоаспектный, достаточно категоричный, очевидно, не во всех позициях бесспорный. Однако в смысле понимания рассматриваемого сюжета, трудно не согласиться с тем, что при воспроизведенных обстоятельствах достичь общего положительного результата в Москве было невозможно.

Исходя из объективного состояния дел, прежде всего осознания того, что овладение красными Киевом было делом ближайших дней, С. Мазуренко и М. Полоз 1 февраля 1919 г. предложили объявить перемирие на фронте как предпосылку продолжения переговоров о мире⁵⁹. На заседании 4 февраля был согласован текст документа, который телеграммой решили отправить на Украину – правительствам УНР и Советской Украины. Его содержание сводилось к следующему:

Правительство РСФСР соглашается выступить в роли посредника между двумя правительствами, ведущими борьбу на Украине, на таких условиях: признание Директорией принципа власти Советов на Украине; признание нейтралитета Украины с активной его защитой против любого иностранного вмешательства, которое нарушает этот нейтралитет; осуществлять общую борьбу против контрреволюции; объявить перемирие на время мирных переговоров⁶⁰.

Вокруг данного документа в историографии «ломалось немало копий». Причиной послужили относящиеся к проблеме сюжеты, воспроизведенные через 4 десятилетия Винниченко. Бывший Глава Директории в «Завещании борцам за освобождение» утверждал, что «после длительных и горячих дебатов в Центральном Комитете и Политбюро РКП Ленину удалось победить противников мира с Украиной и склонить большинство руководящих органов компартии принять наши условия. Самостоятельность и независимость Украины была официально признана в соответствующей резолюции и мирный

договор подписан со стороны России главой советского правительства В. Лениным и наркомом иностранных дел Чичериным, а со стороны Украинского государства – главой украинской делегации Семеном Мазуренко»⁶¹.

Возможно, с годами Винниченко подзабыл детали и придумал некоторые моменты, представляющиеся неправдоподобными. Вышеприведенную договоренность, которая была отправлена на Украину телеграфом, он выдает за подписанный договор. И хотя Винниченко убеждает, что в 1920 г. во время отчета ему в Москве С. Мазуренко докладывал «о подписанном договоре»⁶², что этот факт официально подтверждали и Чичерин и члены Политбюро⁶³, текста договора (какого-либо его варианта, кроме вышеприведенного текста телеграммы) до настоящего времени никто не видел. Это тем более удивительно, что, как утверждает Винниченко, документ подписали Ленин, Чичерин и С. Мазуренко. В биохронике Ленина такого факта не зафиксировано. Да и едва ли он вообще мог иметь место. Хотя в революционное время не вполне придерживались правовых, дипломатических канонов, кажется весьма маловероятным, чтобы советская сторона пошла на такую впечатляющую «протокольную» асимметрию: согласиться поставить под суперважным государственным документом подписи главы правительства государства и руководителя чрезвычайной миссии, не наделенного соответствующими полномочиями. Последнее подтверждается как документом, выданным С. Мазуренко, так и его неоднократными ссылками на то, что он не имеет возможности продолжать переговоры, не зная, что ему в конкретных обстоятельствах может разрешить официальный Киев. В частности, соглашаясь на отправку на Украину телеграммы с достигнутыми результатами переговоров, С. Мазуренко попросил В. Менжинского «передать официальное заявление Российскому Советскому Правительству о том, что он, Мазуренко, не имеет полномочий Директории вести переговоры с правительством Раковского–Пятакова и что после падения Киева он, Мазуренко, слагает с себя ответственность за возможность выполнения вышеуказанного полномочия. Т. Мазуренко заявляет что Миссия УНР просит приостановить дальнейшие переговоры вплоть до получения директив от своего Правительства»⁶⁴.

Что же касается Ленина, то не только неизвестно о его прямой причастности к переговорам, подготовке итогового документа, а и к борьбе, которая вроде бы имела место в Политбюро ЦК РКП(б) относительно украинских проблем. Опять-таки известно лишь о том, что лидеры КП(б)У и советского правительства Украины обнаруживали определенное несогласие с линией поведения официальной Москвы, допускали даже временами ослушание, которое детерминировалось логикой развития событий на Украине. Так что и здесь Винниченко, очевидно, кое в чем смещал акценты.

Не все точно и с передачей того, как и почему договор не попал в руки Директории. По версии Винниченко, С. Мазуренко передал текст документа телеграфом в Киев и «попросил ратификации Директорией этого великого акта. Его сообщение принял Петлюра, который заведовал военным телеграфом, но Директорию об этом не известил и ратификации договора, конечно, не произошло. С. Мазуренко несколько раз добивался ответа, но не мог получить его. Он хотел возвратиться на Украину, чтобы лично привезти заключенный договор, но по приказу Главного атамана С. Петлюры его на границе не пропустили на Украину. И, таким образом, этот огромной весомости акт для нашей государственности был скрыт от украинства, и вся дальнейшая борьба за него пошла по такому несчастливому для нас направлению. Москва, не дождавшись ратификации мирного пакта, считая молчание Директории за нежелание мира, возобновила военные действия, заняла Киев, осуществила натиск на разбитую украинскую армию и вытеснила ее за границы Украины в Польшу»⁶⁵. К тому же бывший Глава Директории прибавляет, что он узнал позднее, почему оставленный петлюровскими войсками Киев «более недели» не занимался красными, что это было сделано по приказу Москвы «не нарушать перемирие, ждать конца мирных переговоров»⁶⁶.

Многие моменты или не соответствуют действительности (личное путешествие С. Мазуренко в Киев, хотя он не отлучался из Москвы), или не могут быть подтверждены (поступки Петлюры, приказы Москвы). Есть и хронологические несовпадения:

готовый договор не мог ни передаваться телеграммой для ратификации в Киев, ни быть отправленным с посланцем, поскольку его физически просто не существовало до 4 февраля 1919 г.

Не хочется подозревать Винниченко в политической наивности, или же выдвигать обвинение в сознательной, прагматичной фальсификации событий, однако некоторые его утверждения понять и объяснить непросто. Так, скажем, он продолжал решительно настаивать на том, что подписанный между посланцем УНР и руководством РСФСР в феврале 1919 г. договор, стержнем которого было признание независимости Украины, не просто существовал, но и оценивался Лениным и его сторонниками летом 1920 г. как реально действующий документ. А затем и его, Винниченко, визит, переговоры с партийно-советским руководством России в 1920 г. будто бы были прямым результатом признания ЦК РКП(б), СНК РСФСР договора с Директорией (это тогда, когда практически на всей территории Украины была советская власть). Собственную же несговорчивость, или принципиальность, стремление получить реальные рычаги для украинизации республики Винниченко расценивает как повод, которым воспользовались Л. Троцкий, его сторонники, добившись победы над умеренной по отношению к Украине позицией Ленина, дезавуировав достигнутые в феврале 1919 г. украинско-российские договоренности⁶⁷.

Однако возвратимся к событиям, связанным с деятельностью миссии С. Мазуренко, и обратим внимание на такие моменты. На уже упомянутом заседании переговорщиков 4 февраля 1919 г. Менжинский от лица российской делегации заявил о согласии перенести дальнейшую работу в Харьков и пообещал немедленно довести содержание договоренностей «до сведения Директории и правительств Раковского–Пятакова»⁶⁸.

Неизвестно, дошел ли документ в московском варианте до Винницы, а если и дошел, то попал ли в руки главы Директории. Доподлинно известно, что с содержанием соглашения, дополненного харьковским СНК и подписанного Раковским, смог первым ознакомиться член Директории Ф. Швец 10 февраля 1919 г. В переданном из Харькова документе сообщалось о соглашении с Директорией на посредничество СНК РСФСР на достигнутых в Москве основаниях: «Украинское Рабоче-крестьянское Правительство приняло братское посредничество Российского Советского Правительства относительно согласия с Директорией (об этом официально было сообщено наркомату иностранных дел РСФСР⁶⁹), при условии признания таких принципов: 1) Директория признает советскую власть в Украине; 2) Строгая нейтральность Украины с активной обороной против войск Антанты, Деникина, Краснова и Пятакова; 3) Совместная борьба против контрреволюции. Эти основания были приняты Вашей чрезвычайной миссией под руководством товарища Мазуренко и их Российское Советское Правительство передало посредством радио, как нам, так и Директории. Мы уже заявили согласие на принятие этой платформы, а также на перенесение переговоров в Харьков с просьбой передать Вашей чрезвычайной миссии в Москве, что она на территории Украинской Советской Республики будет пользоваться всеми гарантиями дипломатической неприкосновенности и возможностью поддерживать связь с Директорией»⁷⁰.

Дальше в документе содержалась характеристика тех событий, которые, с точки зрения советского правительства Украины, должны были быть учтены при оценке присланного соглашения: «Взятие Киева украинскими регулярными советскими войсками, переход на сторону советской власти отрядов атамана Григорьева и других военных республиканских сил, общее восстание по всей еще не освобожденной Украине под лозунгом советской власти очевидно досказывают, что рабочие и крестьяне Украины решительно стоят на стороне советской власти. Мы убеждены, что перед этим убедительным фактом Вы будете считать дальнейшее пролитие крови беспечным и бесполезным. Дальнейшее сопротивление наших (должно быть: Ваших. – В.С.) войск только затягивает гражданскую войну и облегчает задачу империалистов, которые захватили часть украинской территории не только на побережье Черного моря, но и в Бессарабии и на Буковине, увеличивая экономическую руину, разваливая транспорт и задерживая дело восстановления экономических сил социалистического строительства в Украине»⁷¹.

Заканчивалась телеграмма предложениями-заверениями, которые исходили непосредственно от СНК Украины: «Поэтому мы предлагаем с нашей стороны продолжать переговоры, начатые в Москве, теперь в Харькове на основании признания советской власти, конкретная организация которой должна быть задачей Третьего Украинского Съезда Советов. С нашей стороны подтверждаем гарантию полной неприкосновенности Вашей делегации, если Директория признает Временное Рабоче-крестьянское Правительство в Украине; одновременно обязуемся обеспечить полную личную безопасность членов Правительства Директории, а также свободную деятельность партий, входящих в него. Председатель Временного Рабоче-крестьянского Правительства Украины, комиссар для внешних дел Раковский»⁷².

Ознакомленный с посланием Раковского Винниченко, который уже оставлял свою должность в Директории по требованию представителей Антанты,отреагировал крайне бурно. Особенно его привели в негодование слова Главы СНК о гарантиях, которые будут предоставлены членам правительства УНР на собственной, украинской земле. Возможно, из-за эмоций, переполнявших Винниченко, попавшего в самом деле в отчаянную ситуацию, он не заметил, что, кроме положений, которые приписали в Харькове, в основе все же был тот документ, на который миссия С. Мазуренко согласилась в Москве⁷³. Еще более неприемлемой телеграмма Раковского оказалась для Петлюры, его приверженцев-атаманов, которые с самого начала были против любых контактов и договоренностей с Москвой⁷⁴.

Миссия С. Мазуренко оставалась еще некоторое время в столице РСФСР (телеграмма о ее отъезде 5 февраля была сразу дезавуирована⁷⁵). Руководитель чрезвычайного посольства, возможно, не зная о реакции Винницы, 19 февраля 1919 г. сообщал Директории об отъезде на Украину посланцев СНК РСФСР Менжинского и Бельгова, а также секретаря миссии Ю. Ярослава для отчета о ходе переговоров⁷⁶. При этом С. Мазуренко нашел нужным подчеркнуть: «Миссия, подтверждая чрезвычайно благоприятную ситуацию для осуществления власти Украинских рабоче-крестьянских советов, настоятельно советует принять посредничество Рады Народных Комиссаров»⁷⁷.

23 февраля глава Чрезвычайной миссии РСФСР направил министру иностранных дел УНР отчет о своей работе, лейтмотив которого состоял в необходимости продолжения мирных усилий: «Украинская Дипломатическая Миссия в Москве имеет честь сообщить Вам, что современный момент Миссия признает наилучшим для переговоров с Российской-Харьковским Правительством о ликвидации гражданской борьбы на Украине. В последнее время Российский Совнарком принимает все меры, чтобы установить мир со всеми государствами, включая Украину. Опасности внутреннего положения: голод, болезни, безнадежное положение торговли и промышленности, а также и транспорта принуждает Совнарком идти на всяческие меры с государствами, чтобы только защитить завоевания революции от реакции правых сил. Этот взгляд общественной борьбы против правых сил реакции теперь объединяет здесь все социалистические партии, которые призывают к согласию и Директорию, как власть на Украине действительно социалистическую и демократическую. Все искренне желают, чтобы наше правительство снова не допустило ошибки и не накликало на себя, а также и на всю остальную Россию большой беды призывом чужеземных сил на Украину»⁷⁸.

Среди других аргументов С. Мазуренко выделил прибытие в Москву представителей II Интернационала «бернской социалистической конференции» и запланированную на Принцевых островах международную конференцию при участии всех сил, которые воевали на территориях бывшей Российской империи. Совнарком РСФСР был очень заинтересован в том, чтобы не только демонстрировать свою миролюбивость, но и доказывать ее мировой общественности реальными делами. Поэтому, по мысли С. Мазуренко, «за нашу Миссию от независимой Украины они сейчас ухватились обеими руками, чтобы показать Европе, что большевики не враги действительной демократии и не отрицают самоопределения наций. Народный Комиссар Чичерин очень взволнован, услышав, что Миссия хочет выехать в Гомель, чтобы там ждать директивы от своего правительства. Он упросил Миссию не покидать Москву, а наоборот: снова про-

свить Директорию вступить в мирные переговоры, чтобы как можно скорее прекратить войну на Украине. По согласию с Наркомом Чичериным Миссия и послала Вам свои последние радио от 10 и 20 февраля. Со своей стороны сейчас Миссия единогласно признала, что престиж независимой Украинской Народной Республики диктует, чтобы ни в коем случае связей с Советской Россией не порывать. Миссия своим пребыванием здесь докажет делегатам Европы, что Украина является действительно суверенной демократической и социалистической республикой. Миссия просит правительство и Директорию верить, что она приложит все свои силы, чтобы наилучше использовать международную ситуацию и защитить права свободной независимой Украины»⁷⁹.

Ответа на свои послания С. Мазуренко не получил. Вместе с тем поступили распоряжения Директории о его назначении руководителем дипломатической миссии, отправляющейся в Скандинавию. В миссию был включен и Ю. Ярослав⁸⁰. Всем ее участникам российская сторона обеспечила полное содействие для исполнения поручения правительства УНР⁸¹.

Так, приложив немало усилий для решения сверхсложной проблемы, посланцы Украины вынуждены были примириться с тем, что это, в итоге оказалось никому не нужным. Уже через несколько месяцев С. Мазуренко в письме к министру иностранных дел УНР лапидарно передал всю историю осуществления миссии в Москву. Через дипломатически-сдержанный, по сути бюрократически-чиновничий тон просматривается чувство сожаления за утраченные возможности, нереализованную альтернативу, которые могли серьезно повлиять на судьбу Украины, предоставить ее народу совсем иной вектор развития. Он констатировал: «Российская советская власть, как известно, есть власть партии коммунистов, которая всецело проводит диктатуру пролетариата. Лидер партии и глава советского правительства – Владимир Ульянов-Ленин хорошо понимает, что диктатурой одного лишь российского пролетариата не выстроишь коммунистическое государство. Он ищет союзников, как у себя, например среди крестьянства, так и за границей. Но к этой “соглашательской” политике Ленина враждебно относятся другие конкуренты за лидерство в партии. Троцкий и Сталин в России, Пятаков и Бубнов на Украине не раз проваливали на коллегиальных собраниях коммунистов все более или менее умеренные предложения главного лидера. Что касается отношения других коммунистических лидеров к Украине и к Директории, то “соглашательская” политика Ленина, направленная на соглашение с Директорией, сначала имела между ними успех. В январе в этом году для переговоров с Чрезвычайной Миссией от Директории Лениным и Чичериным была назначена Миссия от коммунистов, исключительно благосклонных к соглашению с Директорией: Менжинский, Каменский, Карахан, Бельгов и наиболее благосклонный к нам и влиятельный коммунист Красин во главе с главой Миссии Д.З. Мануильским. Работа нашей Миссии с этой коллегией уже через полторы недели привела в общих чертах к соглашению, но, к сожалению, все попытки Миссии известить по радио Директорию о нашем соглашении не имели успеха. Ни радио Миссии в конце января Директорией в Киеве не принимались, ни паровоз с дипломатическим курьером Миссии не был пропущен нашим войском возле Дарницы. Только радио Чичерина уже в начале февраля дошло до Директории в Винницу, и я получил приказ оставаться при Советском Правительстве. Через месяц новым радио Директория дала мне приказ покинуть Россию и переехать в состав нашей Миссии в Скандинавию»⁸².

В приведенном отрывке из письма привлекает внимание характеристика личностных позиций руководства Советской России. Думается, С. Мазуренко сделал это не случайно. Он «подсказывал», что при желании можно было воспользоваться индивидуальными ориентациями, воззрениями видных политиков РСФСР для блага Украины. И, похоже, это также никому в украинском руководстве было не нужно.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Стахів М.* Україна проти большевиків. Нариси з історії Советської Росії. Кн. 2. Тернопіль, 1994. С. 39.
- ² Там же.
- ³ Там же. С. 40.
- ⁴ Там же. С. 42–43.
- ⁵ Там же. С. 44.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 45–46.
- ⁸ Там же. С. 46–47.
- ⁹ Там же. С. 48.
- ¹⁰ Там же. С. 48–49.
- ¹¹ *Солдатенко В.Ф.* Три Голгофи. Політична доля В. Винниченка. Київ, 2005. С. 110–114.
- ¹² *Стахів М.* Указ. соч. С. 49–50.
- ¹³ *Симоненко Р.Г., Реєнт О.П.* Українсько-радянські переговори в Москві (січень – лютий 1919 р.). Документи. Київ, 1996. С. 85.
- ¹⁴ Там же. С. 3–26.
- ¹⁵ *Христюк П.* Замітки і матеріали до історії Української революції. Т. III. Прага, 1921. С. 133–134.
- ¹⁶ *Симоненко Р.Г., Реєнт О.П.* Указ. соч. С. 9.
- ¹⁷ Там же. С. 10, 33.
- ¹⁸ Там же. С. 33.
- ¹⁹ *Христюк П.* Указ. соч. Т. IV. Прага, 1922. С. 21.
- ²⁰ *Рафес М.* Два года революции на Украине. М., 1920. С. 127–128.
- ²¹ Там же. С. 128.
- ²² Там же. С. 12.
- ²³ *Христюк П.* Указ. соч. С. 31.
- ²⁴ *Рафес М.* Указ. соч. С. 130–131.
- ²⁵ *Винниченко В.* Відродження нації (Історія української революції [марець 1917 р. – грудень 1919 р.]) Київ; Відень, 1920. С. 223.
- ²⁶ *Христюк П.* Указ. соч. С. 22.
- ²⁷ *Рафес М.* Указ. соч. С. 130–131.
- ²⁸ Там же. С. 131.
- ²⁹ Директорія, Рада Народних Міністрів Української Народної Республіки. Листопад 1918 – листопад 1920 рр.: Документи і матеріали. У 2 т., 3 ч. Т. 1. Київ, 2006. С. 10.
- ³⁰ *Симоненко Р.Г., Реєнт О.П.* Указ. соч. С. 28–29.
- ³¹ Там же. С. 28.
- ³² Там же. С. 30.
- ³³ *Рафес М.* Указ. соч. С. 130–131.
- ³⁴ *Винниченко В.* Указ. соч. С. 226.
- ³⁵ Там же. С. 227.
- ³⁶ Там же. С. 227–228.
- ³⁷ Там же. С. 228.
- ³⁸ Там же. С. 210–211.
- ³⁹ Там же. С. 211–212.
- ⁴⁰ *Мазепа І.* Україна в огні й бурі революції. Т. 1. Прага, 1942. С. 66–68.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Винниченко В.* Указ. соч. С. 228.
- ⁴³ Там же. С. 228–229.
- ⁴⁴ См.: *Симоненко Р.Г., Реєнт О.П.* Указ. соч. С. 31–32.
- ⁴⁵ Там же. С. 33–34.
- ⁴⁶ Там же. С. 39–40.
- ⁴⁷ Там же. С. 42.
- ⁴⁸ Там же. С. 43.
- ⁴⁹ Там же. С. 46.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. С. 46, 48.
- ⁵² Там же. С. 47, 57.

- ⁵³ Там же. С. 58.
⁵⁴ Там же. С. 59.
⁵⁵ Там же. С. 51, 52, 56, 59, 66.
⁵⁶ Там же. С. 59.
⁵⁷ Винниченко В. Указ. соч. С. 229–230.
⁵⁸ Там же. С. 230.
⁵⁹ Симоненко Р.Г., Реєнт О.П. Указ. соч. С. 59.
⁶⁰ Там же. С. 60–61.
⁶¹ Винниченко В. Заповіт борцям за визволення. Київ. 1991. С. 34.
⁶² Там же. С. 35.
⁶³ Там же.
⁶⁴ Симоненко Р.Г., Реєнт О.П. Указ. соч. С. 61.
⁶⁵ Винниченко В. Відродження нації. Ч. III. С. 34.
⁶⁶ Там же. С. 35.
⁶⁷ Там же. С. 35, 36, 46–48.
⁶⁸ Симоненко Р.Г., Реєнт О.П. Указ. соч. С. 61.
⁶⁹ Там же. С. 67.
⁷⁰ Цит. за: Стахів М. Указ. соч. С. 51.
⁷¹ Там же. С. 51–52.
⁷² Там же. С. 52.
⁷³ См.: Солдатенко В.Ф. Три Голгофи... С. 120–125.
⁷⁴ Солдатенко В.Ф. Винниченко і Петлюра: політичні портрети революційної доби. Київ, 2007. С. 277–281.
⁷⁵ Симоненко Р.Г., Реєнт О.П. Указ. соч. С. 62–63.
⁷⁶ Там же. С. 64–65.
⁷⁷ Там же. С. 65.
⁷⁸ Там же. С. 68.
⁷⁹ Там же. С. 69.
⁸⁰ Там же. С. 69, 70.
⁸¹ Там же. С. 71–78.
⁸² Там же. С. 79.

© 2010 г. А. Л. КУБАСОВ*

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ О ВЧК–ГПУ

В 1922–1923 гг. оказавшиеся за рубежом руководители и активные деятели партий и движений, выступивших в качестве оппозиции большевикам, внимательно следили за событиями в России, предпринимали попытки осмыслить результаты Октябрьской революции, причины, ход, итоги и последствия Гражданской войны. При этом повышенный интерес проявлялся к роли, которую играла в развернувшемся противоборстве Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, преобразованная в 1922 г. в Государственное политическое управление при НКВД РСФСР. К теме чекистских органов обращались видные представители социалистических эмигрантских кругов, посвятившие свои работы анализу положения в России. Их оценки кардинальным образом расходились с выдвигавшимися В.И. Лениным¹, Ф.Э. Дзержинским² и их сподвижниками³ трактовками, в основе которых лежала теория классово-борьбы, социалистической революции и диктатуры пролетариата, оправдывавшая применение революционного насилия для защиты нового общественного строя. В своих публикациях высланные за границу либо эмигрировавшие известные общественные деятели и ученые, многие из которых во время пребывания

* Кубасов Александр Леонидович, кандидат юридических наук, докторант-соискатель Института российской истории РАН, начальник отдела УФСБ России по Вологодской области.